

КАТЯ БЕРЕЗУЛЯ

КЛАССНЫЙ УЧИТЕЛЬ

$$\mathbf{r} = \mathbf{r}_{\parallel} + \mathbf{r}_{\perp}$$

$$\mathbf{r}_{\parallel} = n(\hat{n} \cdot \mathbf{r})$$

$$= -n \times (n \times r) \equiv r - n(n \cdot r)$$

$$\begin{aligned} \mathbf{v} &= \mathbf{v}_{\parallel} + \mathbf{v}_{\perp} \\ \mathbf{v}_{\parallel} &= k(\mathbf{k} \cdot \mathbf{v}) \\ \mathbf{v}_{\perp} &= -k \times \mathbf{v} \end{aligned}$$

Катя Березуля
Класный учитель

«Издательские решения»

Березуля К.

Классный учитель / К. Березуля — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-567857-7

В городе происходят загадочные смерти людей, некогда обучавшихся в одном классе. Следователь Тимохин тоже учился с погибшими в одном классе. Он формирует из бывших одноклассников своеобразную детективную группу. Оставшимся в живых предстоит выяснить причину трагических событий, чтобы предотвратить собственную гибель, которая уже запланирована в сценарии убийцы.

ISBN 978-5-00-567857-7

© Березуля К.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Пролог	6
Гроза телефонных воришек	8
Художники и соседи	10
Мертвые одноклассники	12
Настоящее дело	15
У всех свои будни	18
«Шкафные скелеты»	21
Очередной минус один	23
Часть II	25
Пролог	25
Встреча одноклассников	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Классный учитель

Катя Березуля

© Катя Березуля, 2022

ISBN 978-5-0056-7857-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Пролог

В небольшой горнице стоял полумрак – света одной свечи едва хватало, чтобы Василий Алексеевич видел бледное лицо своей беременной жены Елены, лежащей на кровати. Он устроился рядом на сундуке, держа ее за руку.

На душе у Василия Алексеевича было тревожно – Елена чувствовала себя плохо уже третий день. Слабые схватки не получали естественного развития, а его тёща так обозлена на них, что не пускает в дом ни лекаря, ни повитухи. Строго говоря, Антонида Ивановна сама могла бы осмотреть дочь и избавить ее от мучений, ведь была известной в городе и знахаркой, и ведущей, и даже ведьмой. В то же время слыла женщиной крутого нрава, не терпящей возражений. Не угодила ей дочь с женихом, вот и мучается теперь, а он ничего не может поделать.

Мужчина на минуту задремал, но встрепенулся сразу, как услышал стон жены. Однако Елена спала, за стон он принял скрип двери – на пороге стояла тёща.

Высокая крепкая женщина лет пятидесяти в простом льняном платье, как у крестьянки, с накинутым на плечи платком, смотрела строго и даже с презрением.

– Мама, побойтесь Бога, – сам как будто простонал Василий Алексеевич.

– Бога? – она глянула в угол на божницу, где виднелся тусклый отблеск фольги иконы, и зло засмеялась.

Открыла глаза Елена, крепко сжала руку супруга.

– А где был твой страх, когда ты женился без родительского благословения? – в маленькой комнатушке слова раздавались как раскаты грома. – Выметайтесь из моего дома!

Хозяйка хлопнула дверью, заставив Елену вздрогнуть, а затем скривиться от боли.

– Васенька, кажется, началось...

– Я с тобой, я с тобой, – зашептал Василий Алексеевич.

Спустя час он держал на руках новорожденного, закутанного в белую простыню. Елена с блаженной улыбкой глядела на мужа и ребенка. Женщина была очень бледна, на лбу выступили капельки пота. В комнате прибирали две девушки – тёща все-таки послала прислугу поухаживать за роженицей. Они молча и деликатно вытаскивали замаранные простыни из-под Елены, протирали смоченными в теплой воде тряпками ее тело.

Василий Алексеевич чувствовал себя несколько ошалевшим. Мужчины не присутствовали при родах, а он не только присутствовал, но и почти самостоятельно их принял. Радость от того, что стал свидетелем таинства, была омрачена мучениями любимой женщины. Но орущий младенец оттягивал внимание на себя, и сейчас, когда дочка, закутанная в теплое, уснула, новоявленный отец любовался ею и размышлял о жизни и смерти. Разве не чудо – рождение человека? Как могло его семя, попавшее в чрево супруги в сладостную минуту обоюдного блаженства, через девять месяцев дать такой плод? Вот он, маленький живой комочек, сопит в его руках.

От умиления у Василия Алексеевича выступили слезы на глазах.

– Ирина, – едва слышно произнесла Елена.

– Что? – не понял сразу Василий Алексеевич. – А! Точно? Уверена?

Елена кивнула и закрыла глаза.

Хоронили роженицу на следующий же день и без отпевания. Тут уж наступила пора Василия Алексеевича злиться на тёщу. Мало того что спокойно наблюдала за муками дочери, так еще из-за собственных убеждений не пустила попа на похороны. А говорят, смерть всех при-

мирает. Мужчина понимал, что если останется, может потерять и дочь – гордыня не позволит упрямой женщине заботиться о малышке, пока он рядом.

Накрапывал мелкий дождик. Было сыро и пасмурно, как и на сердце у Василия Алексеевича. Вот она, смерть: любимая женщина больше никогда не согреет его своей лаской, не улыбнется ему, не научит ничему их дочь. Покойная лежит в гробу в красивом платье, с белым платочком в руке, но безразличная ко всему – к мужу, новорожденной доченьке, дождю, который холодно капает на лицо. И вот она жизнь: малышка в его руках, розовощекая, полная энергии, которой, в свою очередь, безразлична смерть матери и непонятна вся трагичность случившегося.

Иринка закричала и открыла глаза. Уставилась на Василия Алексеевича с любопытством. Тёща нашла где-то кормилицу, и за ближайшее будущее дочери можно было не волноваться.

– Ну, полно, – сказала тёща. – Застудишь девку.

Он кивнул работникам. Те, оставив на время лопаты, закрыли крышку гроба, опустили его в землю. Василий Алексеевич, крепко держа ребенка, наклонился, взял свободной рукой горсть земли и бросил в яму. Кончено.

На следующее утро он с узелком на плечах стоял на крыльце, когда вышла растрепанная после сна Антонида Ивановна. Поежившись, кутаясь в платок, она спросила:

– Решил, значит?

На днях обходили дома в пригороде, набирали рекрутов на войну с французами.

– Сбереги Ирину, – попросил он.

– Об этом не тревожься, – ответила тёща, и впервые Василий Алексеевич уловил в ее голосе теплые нотки.

Он слабо улыбнулся ей, кивнул и пошел прочь, исчезнув в предрассветных сумерках. Антонида Ивановна, перестав слышать звук тяжелых шагов зятя, вернулась в дом.

Гроза телефонных воришек

Следователь Алексей Тимохин брился в ванной комнате. В зеркале над раковиной отражалось лицо зрелого мужчины, тронутое первыми морщинками. Тимохин считал, что выглядит нормально – на свои 37 лет, хоть местами и начинает заплывать жирком. Впрочем, белая майка и домашние треники скрывали огрехи фигуры, но не скрывали крепкую мускулатуру.

Из кухни донесся звук заставки утренних новостей, недовольно кричала жена: «Ты почему еще не расчесалась? Дай сюда!». Опять трехлетняя дочка медленно собирается, нервнует Марину.

Тимохин ополоснул бритву под струей воды и продолжил приводить свою внешность в порядок. Раздался детский плач. «Да чтоб тебя», – ругнулся Тимохин. Утро только началось, а вектор напряженности уже вовсю стремился вверх.

– — Да что ты сразу орешь, я совсем не дергаю! – истерично вопила жена.

– Мам, это ты всегда орешь в этом доме! – послышался голос Игоря, 14-летнего сына Тимохина.

Немного погодя Марина ворвалась в ванную. В свои 35 она выглядела молодо и ухоженно, даже сейчас – в банном халате с растрепанными мокрыми волосами – смотрелась весьма соблазнительно. Только злость Марины отваживала Тимохина от комплиментов или иных жестов внимания.

– О, а кто у нас в домике, как всегда? – начала тут же жена.

Тимохин ополоснул щеки, сохраняя непроницаемое выражение лица. Самое лучшее в таких ситуациях – отсутствие реакции на раздражитель.

– Удобно, правда? – не унималась Марина. – Вот вам удобно, мужикам!

Она взяла с полки фен, воткнула штекер в розетку, включила, стоя за Тимохиным и выглядывая из-за его плеча, пытаясь рассмотреть себя в зеркало. Суша волосы, Марина нервно водила феном из стороны в сторону. Тимохин придирчиво осмотрел подбородок, оценивая качество бритья.

– Умылся, побрился, пожрал, надел непонятную одежонку, и готов! – перекрикивала Марина фен.

Вытерев лицо, он развернулся к Марине, всем своим видом демонстрируя желание покинуть ванную комнату. Но ей было необходимо во что бы то ни стало донести свою мысль до супруга.

– Пять минут и готов! А жене – детей собрать, накормить, самой накраситься, одежду подобрать, ребенка – в сад.

Марина выключила фен и прижалась к стиральной машинке, давая пройти Тимохину.

Тот вышел и прошел в коридор, где перед зеркалом хныкала Ольга. Она неумело пыталась расчесать свои волосы, завивающиеся на концах в симпатичные кудряшки. Из ванной комнаты снова послышался шум фена, прерываемый нарочито громким ворчанием жены: «У меня сегодня гости на площадке, мне надо выглядеть», «В садик опоздаем, снова выслушивать от воспитателя».

Тимохин вытер слезы у дочери, взял из ее рук расческу.

– Давай сюда. Ща все будет. За дело берется папа.

Ольга с доверием глянула ему в глаза и улыбнулась.

Расчесал дочери волосы, как мог собрал волосики в хвостик на макушке. Они с Ольгой рассматривали прическу в зеркале, и Тимохин спросил у идущего мимо Игоря:

– Ну что, норм?

Игорь не отреагировал, а Оля энергично закивала и принялась обувать сандалии. Тимохин потрепал дочь по голове и пошел за сыном на кухню.

Небольшой плоский экран, установленный на стене, показывал новости. Игорь сидел за столом напротив, на ощупь поедая яичницу, так как все внимание ушло в соцсети, которые он просматривал в телефоне. Тимохин взял со стола полупустую кружку с кофе, сделал глоток, слушая передачу.

– Сын экс-губернатора Михаила Линника решил пойти по стопам своего отца и зарегистрировался кандидатом в депутаты Законодательного собрания, – вещал диктор. – В дальнейшем Леонид Михайлович намерен добиваться губернаторского кресла.

На экране появилось изображение упомянутого Леонида Линника – брюнета лет сорока, дающего интервью корреспондентам.

– Вот козел, – Тимохин поставил кружку на стол.

– Пап, ты чего? – отреагировал на реплику Игорь.

Тимохин молча выключил телевизор и снова пошел в прихожую.

Оля стояла в одной сандалиии, а в руках держала вторую, мучилась с металлической застежкой.

Тихонов взял из ее рук обувь и, расстегнув ремешок, отдал обратно.

– Спасибо, папа.

Из ванной вышла Марина – с макияжем, красивой укладкой, но все еще в халате и раздраженная.

– Ну, куда ты обуваешься уже? – набросилась она на Ольку. – Видишь: мать не одета еще?

Оля застыла на месте, держа сандалию в руках.

– Дурдом какой-то... – бросила Марина и ушла в комнату.

Тимохин назвал про себя жену стервой, а сам присел на корточки перед дочкой.

– Ты это, давай второй надевай, мама сейчас махом, – шепнул он ей. – А я пойду тоже одеваться, а то папе на работе дадут по жопе за опоздание.

Оля засмеялась.

Из комнаты вышла Марина. Женщина, которая свела Тимохина с ума пятнадцать лет назад. С годами она стала еще привлекательнее, но характер портился. Возможно, Тимохин сам был отчасти в этом виноват... На Марине был брючный костюм, из-под пиджака выглядывал топ с глубоким декольте.

– Там такая работа, что не страшно, даже если уволят сразу, – прокомментировала она, уже без злости и раздражения, а так, по привычке.

Тимохин придерживался выбранной стратегии – молчание. Марина, наклонившись, обувала туфли.

– Хотя нет, – добавила она, – без папы все пропадет, он ведь у нас гроза телефонных воришек.

Протянув руку к декольте жены, Тимохин одернул вниз топ, заглянув глубже. Марина шлепнула его по руке. Оля, уже уставшая ждать маму, начала что-то ковырять в стене. Из кухни вышел Игорь.

– Пап, арестуй маму, она неуважительно относится к стражу порядка, – внес он свой вклад в утренний семейный полилог.

Марина выпрямилась, готовая дать достойный ответ и сыну, но заметила занятие Оли.

– Дочка, не нужно портить квартиру, за которую, – выразительный взгляд на мужа, – мама еще не расплатилась.

Взяв Олю за руку, Марина вышла, захлопнув дверь перед носом Тимохина, намеревавшегося чмокнуть обеих на прощание.

Художники и соседи

Задержаться на лестничной площадке у почтовых ящиков Тимохина заставили нарисованные мелом на почтовых ящиках крестики. Соседка, пожилая женщина, также в раздумье созерцала необычные художества.

– Здравствуйте, Елена Андреевна, – поздоровался Тимохин.

– А, Алексей. Вот полюбуйся.

– Крестики? – спросил он.

– Они, родимые, – кивнула Елена Андреевна. – И на моем, вот, стоит. И на Марии Степановны с седьмого.

– А на моем не стоит.

– Ну вот и думай теперь, что хотели...

Она, кряхтя, спустилась по лестнице на первый этаж.

– Кто хотел? – спросил Тимохин, спускаясь следом.

– А шастали тут двое. Темненькие. Не русские, кажись. Спросила, чего хулиганят.

Елена Андреевна остановилась у двери в свою квартиру.

– И что? – уточнил он.

Соседка пожалала плечами и скрылась за дверью, не ответив. Тимохин тоже пожал плечами, постоял секунду, затем вернулся к ящикам и переписал номера отмеченных крестиками в свой блокнот. Теперь пора было спешить в участок.

Проходя по двору, Тимохин увидел впереди, у следующей девятиэтажной панельки, двух подростков, рисующих что-то на стене дома.

Он неслышно подошел к ним сзади – на стене крупными черными буквами красовался номер телефона. Мальчишки были в легких кофтах с накинутыми на головы капюшонами, рюкзаками за спинами. Наверное, немного старше Игоря, прикинул про себя Тимохин. Один держал в руке баллончик с краской.

– Восьмерка кривовато получилась, – отметил вслух Тимохин.

Парни резко обернулись.

Изображая ценителя живописи, зажав рабочую папку локтем, прищуривая глаза и массируя подбородок, Тимохин делал вид, что внимательно рассматривает надпись, как будто картиной любуется. На самом деле, он уже запомнил особые приметы парней. Сережка в ухе белобрысого и шрам над левой бровью, у лысого на шее виднеется часть татуировки – крыло, на пальце крупный перстень.

– Краски скудноваты...

Он сделал шаг ближе к парням. Тот, что с татуировкой, державший баллончик, тут же бросил его в Тимохина и крикнул напарнику «Валим!», после чего оба смотались.

Тимохин успел среагировать, закрыв лицо. Баллончик попал в руку и упал на землю. «Засранцы», – проворчал он, потирая ушибленное место. После сфотографировал нарисованный на фасаде дома номер телефона, поднял баллончик и закрасил несколько цифр. И далекому от полиции человеку было понятно, что молодые люди рекламируют какую-нибудь наркоту.

Именно в этот момент мимо дома шел, опираясь на палочку, Иван Петрович, сосед, остающийся к своим 70 годам на удивление бодрым и энергичным. Он не преминул остановиться:

– Здравствуйте, товарищ Тимохин.

– Доброе утро.

– Да где же оно доброе, когда родная милиция фасады домов портит?

Иван Петрович с укором глядел на баллончик в руке Тимохина.

Тот сначала смутился, но потом открыто посмотрел в глаза Ивану Петровичу и поправил соседа:

– Не милиция, а полиция. Не мешайте работать.

– Ну-ну, – буркнул Иван Петрович и побрел прочь, говоря как бы себе под нос, но нарочито громко:

– Иди на своем доме и работай, полицейский... Сталина на вас нет!

Да, утро понедельника начиналось интересно. Тимохин побрел на работу, предвкушая череду мелких дел – краж документов, кошельков и мобильных, бытовые скандалы, пьяные драки и прочая, и прочая... Но в следующем дворе его ждала очередная причина для остановки.

Недалеко от мусорных баков он заметил полицейский УАЗик, накрытое черным полиэтиленом тело и некоторое количество зевак, с которыми беседовал Петров, его коллега. «Моложе меня лет на десять, а делами занимается раз в десять более интересными и важными», – вздохнул про себя Тимохин. Заметив его, Петров махнул.

Сослуживцы пожали друг другу руки.

– Что тут у тебя? – поинтересовался он.

– Мужик вышел вынести мусор, упал посреди улицы, – охотно поделился Петров. Наверное, сердце.

Тимохин подошел ближе к телу, руки зачесались узнать подробности, опросить свидетелей, поразмышлять о происшествии.

– Ага, посмотри, вдруг он телефон у кого спер и в розыске, – съязвил Петров, заметив, как у коллеги загорелись глаза, и громко заржал. Но все-таки присел на корточки рядом с телом, откинул край полиэтилена.

Тимохин глянул в лицо умершему, потом на Петрова.

– Это Сидоренко Паша, – умерший оказался знакомым.

– Уже выяснили, – сказал Петров и поспешно прикрыл труп.

Затем он отечески похлопал сослуживца по плечу, как бы разворачивая его восвояси.

Тимохин спокойным коротким движением убрал с плеча руку коллеги.

– Это мой одноклассник, – счел нужным пояснить он.

Тимохин и Петров некоторое время смотрели друг другу в глаза, потом Петров почесал подбородок и согласился:

– Ну ладно, это может пригодиться. Мало ли что вскрытие покажет.

– Я забегу тогда сегодня, – воодушевился Тимохин.

– Давай, – снова согласился Петров.

Тимохин пошел, наконец, на работу. Его теперешнее настроение мог бы удачно проиллюстрировать какой-нибудь первоклассник, вприпрыжку с портфелем торопящийся в школу после известия о замене нелюбимой математики на любимую физкультуру.

Мертвые одноклассники

Когда Тимохин, наконец, добрался до участка, возле кабинета его ожидали уже около десяти человек, преимущественно женщин разного возраста. Он громко всех поприветствовал и попросил проходить в порядке очереди. Сам вошел в кабинет и прошел к своему столу в углу у окна.

И потянулась «серая будня», как любил Тимохин исковеркать это слово, унылое, как его жизнь в последние годы.

Первый заявитель, женщина лет шестидесяти, жаловалась на зятя и просила арестовать его.

– Что послужило причиной конфликта?

– Да этот найдет причину, прости господи. Буйный он. Не знаю, что дочка в нем нашла. Зачем вообще было рожать от такого детей, чтобы по ночам раздетой к матери убежать?

– Почему сама не пришла?

– Синячина у нее в пол-лица, – показала на себе женщина. – Куда идти?

– Надо снять побои, пусть приходит сама.

Женщина тяжело вздохнула. Тимохин протянул ей распечатанный протокол:

– Внимательно прочитайте, пожалуйста, поставьте подпись, если все верно.

– Да-да.

Женщина черкнула закорючку, лишь бегло пробежав глазами текст. Она немного подержала заявление в дрожащих руках, затем отдала Тимохину и со словами «прости господи» покинула кабинет.

Тимохин отложил документ в стопку на краю стола. Вошел следующий заявитель – мужчина лет 40, в очках, с лысиной, с портфелем в руках.

– Добрый день, – вкрадчиво поздоровался он и присел на краешек стула.

– Здравствуйте, что у вас?

Мужчина замаялся, не зная, с чего начать. Тимохин терпеливо ждал.

– Украл паспорт. Вчера. Сразу не пришел. А сегодня подумал, вдруг кредит оформят на меня, а где я возьму... Я учителем работаю, сами знаете, какие зарплаты...

– Ваше имя? – начал стучать по клавишам клавиатуры Тимохин.

– Евгений. Евгений Петрович. Евгений Петрович Кликушин.

– При каких обстоятельствах потерял документ?

– Я ехал в троллейбусе... А что, если уже кредит оформили на меня? Это можно как-то проверить?

Тимохину иногда казалось, что он ненавидит людей. Вот этот, например, сидит, учитель. Какой мужик выберет себе профессию учителя? Ну, допустим. Но каким учителем может быть такой мужик? Ведь мямля, ей-богу. Разве такого будут уважать дети? Еще поди ночь не спал – собирался с духом пойти в полицию сообщить о краже. А, может, и сам взял кредит, а паспорт выкинул. И сидит теперь, изображает из себя.

Приняв двенадцать человек за два с половиной часа, Тимохин отправился на перекур.

За углом здания, в котором располагался участок, было оборудовано специальное местечко с лавочками и урнами для курильщиков. Над лавочкой болтался прикрепленный к стене постер о негативных последствиях этой привычки.

Сюда подошел и Березин, начальник Тимохина, его ровесник. Невысокий худенький мужичок, часто лично участвующий в служебных операциях по поимке преступников, так как его внешний вид никак не ассоциировался в сознании обывателей и преступников с полицией. Березин поздоровался с курящими, Тимохиным, уселся рядом с ним и закурил.

– Всегда, это самое, удивляюсь тебе, зачем тут дышать дымом, если сам не куришь, – кажется, в сотый раз озвучил Березин мысль, которая, видимо, не давала ему покоя.

– Дым, товарищ капитан, по сравнению с запашком моих дел – как глоток свежего воздуха, – нашелся Тимохин.

– Ну-ну, – Березин с наслаждением затянулся.

– Ну, в самом деле, – решил развить свою мысль Тимохин, – эту бытовую мелочевку может распутать любой первокурсник, сам понимаешь. Почему нельзя дать мне нормальное дело?

Березин встал и выбросил, предварительно затушив, почти целую сигарету в урну.

– Это самое... Ты прекрасно знаешь, почему.

Начальник похлопал Тимохина по плечу и ушел.

Тут же к Тимохину подошел Петров.

– Что? Все поминает тебе случай с губернаторским сыном? – кивнул Петров в сторону ушедшего Березина.

– Сынок-то теперь сам без пяти минут губернатор, – вяло ответил Тимохин.

– Ууу, видимо, искать тебе пропавшие телефоны до пенсии.

Тимохин отмахнулся

– Что там с Сидоренко? – спросил он.

– Да обычная внезапная смерть, сердечный приступ, – пришла очередь Петрова отмахиваться.

– Внезапное, как правило, не бывает обычным... Сидоренко всегда выступал от школы на легкоатлетических соревнованиях.

– Ну вот и довыступался.

– А нет еще похожих случаев? – не хотел «отпускать» тему Тимохин.

– Случаев недонесения мусора до урны по причине внезапной смерти? – Петров сделал паузу в ожидании реакции собеседника на такую прекрасную шутку, но реакции не последовало. – Не ищи заговора там, где его нет.

Немного погодя Тимохин заглянул к сисадминам. В тесной комнате на два рабочих места во всю стену тянулся шкаф-купе, внутри которого были установлены серверы. В комнате всегда стоял негромкий, по-своему уютный гул компьютерных кулеров. Стол у стены, как обычно, завален «железками» – мониторами, клавиатурами – целыми и разобранными, тут же лежали мыши, разнообразные платы, дисководы и т. д. Под столом валялись корпуса от системных блоков и другое «железо».

Одно рабочее место пустовало, за другим сидел Джойстик, худощавый парень лет 25, в футболке с принтом на тему компьютерной игры «Сталкер». Возле него стояла кружка с коричневым налетом внутри, в которой плескался, надо полагать, кофе. Чуть дальше – коробка с двумя кусками пиццы в ней.

Тимохин даже не помнил, как зовут Джойстика. Он частенько в обеденный перерыв заскакивал к нему, дружески общались несмотря на приличную разницу в возрасте. Джойстик резался в компьютерную игру. Заметив Тимохина, улыбнулся, протянул правую руку для приветствия, но игру не прекратил.

– Обедаешь, – констатировал Тимохин.

– Да так. Будешь? – Джойстик, все так же не отрываясь от игры, протянул Тимохину коробку с кусками.

– А что бы нет?

Он взял кусок пиццы, откусил, прожевал.

– Ммм... Сам испек?

Джойстик улыбнулся шутке.

– Чем занят? – спросил Тимохин.

– Сеть проверяем, – Джойстик кивнул на пустое кресло, подразумевая, что где-то с другого компьютера с ним на связи коллега. – Саня у криминалистов настраивает, за стабильностью следим. Парная работа.

– В смысле сложная? Паритесь? – жуя, уточнил Тимохин.

– В смысле, в паре.

– В паре...

Тимохин перестал жевать, задумался, затем спешно проглотил остаток куска пиццы.

– Слушай, – обратился он к Джойстику.

Джойстик перевел взгляд с монитора на Тимохина.

– Давай найди мне Васюковича Андрея, 78 года рождения, – попросил тот.

– Блин, Леха, может, сам из своего кабинета, мне нельзя в базу, ты же знаешь.

– Давай, хакер, подо мной зайди. У меня там очередь из мелких краж, а дело важное, – не терпелось Тимохину.

Джойстик свернул игру, нажал несколько клавиш, и на экране появилась информация о Васюковиче Андрее 78 года рождения и...

– Ну вот он, – сказал Джойстик.

– Не понял...

Тимохин видел не только дату рождения, но и дату смерти – 14 мая 2017 года. Неделю назад. Он молчал.

– Что? Знаешь его? Друг твой?

– Одноклассник...

– Сочувствую.

– Да мы не общались...

Спешно попрощавшись с Джойстиком, Тимохин отправился в свой кабинет, набрав по пути номер Петрова.

– Васюкович и Сидоренко были друзьями, – рассказывал он в трубку, – они в матчах всегда парой играли. Не так давно занялись организацией матчей. Это я слышал от Светки, тоже с нами училась, она в СМИ работает, делала спортивный материал.

Петров в этот момент как раз сидел в кабинете у Березина, и они вместе слушали информацию по громкой связи.

– Может, какие-то внутренние разборки, – говорил Тимохин. – Не поделили нишу со «старичками», как считаешь?

Петров глянул на Березина, тот кивнул.

– Все может быть, – ответил он Тимохину. – Спасибо, Леш. Созвонимся.

Тимохин отключился и спрятал телефон в карман. У кабинета снова ожидали несколько человек. При его приближении они начали галдеть. Раздавались обрывки фраз «Срочно нужно найти», «Это не пойми что, середь бела дня подошел к ребенку», «Порезали сумку, там было все – ключи, деньги...».

Тимохин поднял обе руки вверх, ладонями вперед, бодрым голосом с дружелюбной улыбкой произнес:

– Заходим по одному в порядке очереди.

Настоящее дело

Наступил вечер. Тимохин сидел в кабинете один, разминал кисти рук. Стопочка заявлений за день заметно подросла, надо было планировать время на разбор всей этой мелочевки.

Сидевший напротив сосед по кабинету оперуполномоченный Денис Матвеев имел уставший вид. Он пил горячий чай, громко прихлебывая и обжигая губы.

– И так целый день, Леха, – оказывается, Матвеев что-то рассказывал, а, видимо, погруженный в собственные раздумья Тимохин его даже не слышал. – Частный сектор. Где собака облает, где дышать невозможно – люди держат скотину.

Коллега перевелся в отделение недавно и фонтанировал впечатлениями от порученного ему частного сектора. Тимохин глянул в блокнот, куда записал номера помеченных почтовых ящиков.

– Денис, а ты слышал что-нибудь про крестики на почтовых ящиках?

– Да. Мошенники так отмечают... А что – у тебя в доме?

– Да. Что отмечают?

– Прикол, – Матвеев отставил кружку в сторону. – Одиноких пенсионеров, потом по квартирам ходят типа соцработники.

Тимохин мысленно вспоминал соседей и прикидывал, в каких квартирах – пожилые.

– Ладно, – вздохнул Матвеев, заглянув в кружку, – завтра помою. Я – домой.

Только Тимохин попрощался с коллегой, как зазвонил рабочий телефон.

– Тимохин, слушаю.

– Алексей Ильич, спасибо вам большое, – раздался в трубке неторопливый дрожащий голос.

– За что? Представьтесь, кто вы.

– Спасибо, дай бог здоровьечка. Я уж думала, не видать аппарата. Кого там – бабка, пока достану, пока кнопку нажму, тут и выхватили.

Тимохин терпеливо слушал, перебирая стопочку заявлений, вытащив откуда-то снизу одно.

– А там фотокарточки правнуков скинул сын, душу грели. Занес сегодня участковый наш.

– Да-да, Елизавета Васильевна, пожалуйста, – Тимохин положил листок обратно в стопку. – Будьте аккуратнее.

В кабинет зашел Петров, сел напротив Тимохина.

– А? Молодец какой, вспомнил бабку.

– Всего доброго, Елизавета Васильевна, – нетерпеливо попрощался он, желая поскорее поговорить с Петровым. – Простите, много дел.

– Дай бог, – услышал он последние слова, прежде чем положил трубку.

Тимохин и Петров уставились друг на друга.

– Не томи, – не выдержал Тимохин. Он взял карандаш и стал постукивать по столу.

Петров усмехнулся.

– Я тут посмотрел всех умерших по городу за последние две недели. Среди них... Сидишь, Тимохин?

– Как видишь...

– Четверо – твои одноклассники.

Тимохин замер. Моментально в памяти всплыли школьные воспоминания... Понеслись перед мысленным взором улыбки, глаза, ситуации. А если среди погибших Светка? Когда он ее видел по телевизору в новостях последний раз? А, может, наглец Небосенко?

– А ты у нас, случаем, не маньяк? – спросил Петров и громко заржал. – Решил таким образом делом себя обеспечить? Типа знаешь, как стекольщики по ночам окна бьют, а ты...

Петров не мог говорить от смеха, Тимохин вежливо молчал.
Зазвонил рабочий телефон.

– Леш, Петров не у тебя случайно? – на том конце провода был Березин.

– Да. Здесь.

– Это самое... Давайте оба ко мне.

Через несколько минут Тимохин и Петров уже сидели перед начальником. Еще через несколько минут оба оттуда вышли. Тимохин с увесистой папкой в руках, Петров налегке.

– Ну что, звездный час? – хлопнул Петров сослуживца по плечу.

– Не в обиде, Жень?

– Да какой! Не понравились мне твои одноклассники.

Он, смеясь, пожал руку Тимохину на прощанье.

Одноклассники, – бубнил Тимохин себе под нос, пока шел к своему кабинету, – что вас убивает?..

Вечером он задержался в подъезде: аккуратно стирал пометки с почтовых ящиков пенсионеров и рисовал на других, принадлежавших активной молодежи. Начертил крестик и на своем почтовом ящике. Именно за этим занятием его застал вышедший из квартиры Елены Андреевны Иван Николаевич.

Тимохин выдержал долгий взгляд, который полноценно выражал высочайшую степень недоумения и укора. На секунду страж порядка вспомнил себя-шестиклассника у школьной доски с нецензурной надписью на ней. Ирина Васильевна, зашедшая тогда в кабинет и заставшая его с мелом в руках, смотрела примерно так же. Тимохин Лёша даже не стал ей объяснять, что сам заметил надпись, только когда взял в руки мел, чтобы написать на доске число и тему урока.

Иван Николаевич, так ничего и не сказав, медленно пошлепал на выход. Но Тимохин был уверен, что мысленно тот помянул любимого Сталина.

Ирина Васильевна тогда тоже молча стерла надпись с доски, но еще несколько уроков Тимохин ловил на себе ее строго-вопросительный взгляд. А поиск написавшего бранное слово стал его первым расследованием. Он опросил одноклассников, задал пару вопросов учителю, который проводил урок накануне, сопоставил некоторые факты, понаблюдал за поведением ребят, когда нарочито громко рассказывал о том, как Иваси (так они называли Ирину Васильевну) застала его в неловком положении, и довольно уверенно определил виновника. Не менее уверенно надавал ему тумаков после уроков, начав зарабатывать репутацию борца за правду. Юра Небосенко просил прощения у Ирины Васильевны, и репутация Тимохина была спасена.

На следующее утро Тимохин чистил зубы перед зеркалом в ванной комнате и мычал какую-то веселую мелодию.

Открылась дверь, и в ванную вошла Марина с косметичкой в руках. Кинула ее на стиральную машину, достала тушь для ресниц и, грубовато отеснив мужа от зеркала, намеревалась приступить к макияжу.

Тимохин сплюнул зубную пасту в раковину, взял супругу за руку и аккуратно вытолкнул вон.

– Я еще не закончил, – сказал он тихо, но твердо.

– Да я опоздаю, мне по делегации отчитываться! – мгновенно повысила тон Марина.

– В порядке очереди, гражданка, – остался невозмутимым Тимохин и закрылся изнутри.

Игорь застал мать перед ванной в растерянности.

– Что, ма, бунт на корабле?

– Я вам такой бунт устрою! Яичницу одну будете жрать!

– Я уже неделю яичницу ем, – парировал Игорь.

Вышел Тимохин.

– Иная яичница вкуснее, чем чей-то борщ, – заметил он, демонстративно щелкнул выключателем и, подмигнув сыну, ушел в комнату.

– Что-то я не поняла...

– Долго будешь понимать, опоздаешь, мам.

– Игорь, не борзей! – крикнул из комнаты Тимохин.

Парень поднял указательный палец и ушел на кухню. Марина, наконец, попала в ванную.

Рабочий день начался в кабинете у Березина. Тимохин показывал фото умерших и рассказывал о том, что удалось узнать к текущему моменту.

– У всех одинаковая причина смерти – остановка сердца. Но при этом некоторые кардиологические проблемы отмечены только у Семена Овчаренко, он злоупотреблял.

– Странное дело, – размышлял Березин. – Это самое, что думаешь?

– Думаю, может, применен какой-то яд, не оставляющий следов. На коже покойных – ничего, дополнительные анализы запросил, надо ждать.

– Что планируешь?

– Встречу одноклассников. Может, кто-то из наших мстит бывлым обидчикам? Это первое, что приходит в голову...

– А у тебя как с сердцем?

– Не подводило...

– Ну да... Это... Ты и не куришь.

Немного погодя Тимохин уже вбивал в телефонную книгу мобильного номера одноклассников, просматривая информацию базы данных. Раздался стук в дверь.

– Входите!

На пороге появилась эффектная блондинка – высокая, стройная, в туфлях на длинных шпильках, в платье нежного розового цвета с маленьким клатчем в руках. Тимохин узнал Светлану – первая любовь, на страничку которой в «Одноклассниках» он периодически заглядывал, старался смотреть все местные новости с ее репортажами.

– Привет, Тимохин.

– Светка, – выдохнул он и встал с места, чтобы тепло поприветствовать визитершу. Светлана, конечно, сохранилась хорошо – выглядела лет на тридцать максимум. То ли публичная профессия – тележурналист – способствовала этому, то ли хорошие гены, а, может, и четкая цель, поставленная женщиной, делающей все возможное, чтобы продлить молодость. Уж на что хорошо смотрелась его Маринка, но Светлана бы годилась ей в младшие сестры.

Тимохин крепко обнял Светлану, вдохнул запах ее волос, который не смогли перебить духи.

– А ты неплохо сохранилась, – комплименты не были его сильной стороной.

– Ах ты, язва, – Светлана в шутку ударила одноклассника клатчем по плечу.

Тимохин пригласил ее сесть.

– Чайку?

– Да не, тороплюсь, – Светлана изящно облокотилась на край стола, немного небрежно бросила на него свой клатч, закинула ногу на ногу и, улыбаясь, потребовала:

– Давай говори, что случилось. Столько лет ни весточки, встречи все пропустил, а тут на тебе, приезжай, дело есть...

– Мда... Дело. Дело не из приятных...

У всех свои будни

У Игоря закончились уроки, он вышел из школы и отправился домой. Учился парень неплохо – тройки да четверки, пятерки не любил принципиально и иногда сознательно «недоотвечал» на уроках, чтобы не портить репутацию середнячка. «Эх, чуть-чуть не дотянул до пятерки», – вздыхали учителя под внутреннее ликование Игоря, который мнил, что сам управляет учебным процессом. Правда, иногда, допуская ошибку в контрольной с расчетом получить четверку, неправильно решал и другие задания, зарабатывая в итоге тройку. Впрочем, исправлял ее быстренько, выучивая следующий урок на пять.

Май подходил к концу, все контрольные были позади, и Игорь чувствовал, что бремя учебы отступило – год оканчивал с двумя тройками: по биологии и по трудам. Табуретки он тоже не делал из принципа, а биологию считал тем предметом, успеваемостью по которому он мог пожертвовать ради той самой репутации.

За оградой школы Игоря поджидали несостоявшиеся художники, которых накануне шуганул Тимохин, – белобрысый и лысый с татуировкой. Когда Игорь поравнялся с ними, лысый перегородил ему дорогу:

– Слышь, стопэ, – он легонько толкнул Игоря в плечо.

Игорь остановился. Он немного заволновался, но виду не подал, даже наоборот – постарался напустить на себя максимальное безразличие.

– Твой пахан нам сегодня дело испортил.

– Какое дело?

– Не твое дело, какое дело, – деланно разозлился лысый и сплюнул.

Белобрысый дал Игорю легкую пощечину, Игорь успел перехватить руку только после удара. Неловко ее отвел в сторону, и, потирая щеку, ждал, что будет дальше.

– Говорят, он мент у тебя, а? – спросил белобрысый.

– Я-то причём? Не я ж ему профессию выбирал.

– А, слышь, прикольно бы было, – сказал лысый белобрысому. – Сынок, кем мне работать? Иди в полицию, пап.

Оба рассмеялись. Белобрысый положил руку на плечо Игоря, тот попытался отстраниться.

– Да не очкуй! – стал дружелюбным белобрысый. – Пойдем, базар есть.

Все трое пошли за школу к стадиону.

Марина работала в крупном нефтехимическом холдинге главным специалистом по связям с общественностью. Ее рабочее место располагалось в отдельном кабинете, где большую часть времени она находилась одна.

Сейчас Марина сидела за столом, глядя в монитор на открытый файл с перечнем задач отдела. Начальник был в отпуске, она его замещала. В кабинет вошли подчиненные – высокий привлекательный Олег двадцати пяти лет, полноватая блондинка Наталья тридцати лет, худенькая невзрачная 23-летняя Лена и невысокая девушка нормального телосложения лет 20, неформально одетая, с татуировкой на плече – Соня. Предстояло небольшое совещание на тему ожидаемого визита правительственной делегации на производственную площадку.

– Входите, входите, – обратилась Марина к коллегам. Она немного подождала, пока все рассядутся, и начала планерку.

– Поехали. Олег, что по списку?

– Министерство подтвердило делегацию, 15 человек, как и было заявлено ранее.

– Время не изменилось?

– Пятнадцать ноль-ноль.

– Хорошо, – Марина кивнула, отметила что-то в файле и перешла к следующему вопросу. – Наташ, одета нормально, молодец, будешь встречать. Всех знаешь?

– Да, Маринсергевна, выучила имена-отчества, вчера сидела допоздна...

Марина жестом прервала Наталью, лишние подробности были ни к чему.

– Шефу текст понравился, – сказала всем Марина, – маршрут остается тот же – сначала в парк сырья, потом по территории на автобусе, на новой установке выход.

Олег все время не сводил взгляда с Марины, фокусируясь на области ее декольте. Она еще, как будто нарочно, немного наклонилась к присутствующим, представив для обозрения чуть больше, чем требовали приличия. Заметив взгляд Олега, Марина сначала улыбнулась, но тут же вернула выражению лица серьезность. Еще не хватало, чтобы эти переглядки заметили остальные девушки.

– Так... Что еще? – потеряла нить Марина. – Соня, ты как?

– Я хорошо, Марина Сергеевна, но есть вопрос.

– Подожди. Значит, Сонь, на будущее, когда приезжают делегации такого уровня, пожалуйста, надевай что-то более классическое.

Соня была практиканткой-первокурсницей, неделю назад впервые пришедшей на предприятие и начавшей знакомство с будущей профессиональной деятельностью. Марине приходилось брать на себя и воспитательные функции.

– Да у меня и нет ничего такого, – ответила та.

– Значит, надо купить. Пригодится. А сегодня сойдешь за фотографа, – Марина перевела взгляд на Наталью. – Пусть Соня «мыльницу» возьмет.

Наталья фиксировала себе что-то в блокнотик. Марина про себя удивилась, мол, такую мелочь можно и запомнить, но не стала ничего дополнительно комментировать, вновь вернувшись к Соне.

– Держи ухо остро, все-таки практика у тебя не по фотографированию, а по пиару, – наставляла она ее. – Хорошее мероприятие, показательное, мотай на ус, смотри на Наташу. Она гостей сопровождать будет не в первый раз. И будь готова, если Наташе что-то понадобится, она обратится к тебе.

Соня с энтузиазмом кивала.

– Какой там вопрос?

– Да, про Линника непонятно – все-таки Михаил он или Леонид?

Все заулыбались.

– Наталья, почему ты не объяснила Соне про Линника?

– А Соня не спрашивала.

– Олег, кто в списке итоговом?

– Оба, Марина Сергеевна.

– Линники – отец и сын – будут оба. Старшего звать Михаилом, младшего – Леонидом. Старший, Соня, наш бывший губернатор, в настоящем первый зам губернатора, – терпеливо поясняла Марина.

– А младший, Соня, – подхватил Олег, – наш будущий губернатор...

Все рассмеялись и немного расслабились.

– Маринсергевна, вы не поедете сами? – спросила Наталья.

– Нет, мне эти делегации осточертели, предприятие уже превращается в какой-то проходной двор, как будто нечего показать больше в городе. – Марина устало отмахнулась. – Я здесь поприсутствую, когда совещание начнется. Кстати, во сколько?

– В шестнадцать тридцать по программе.

Марина кивнула.

– Стало быть, раньше пяти не усядутся. А там и на фуршет все дружно поедут...

– Так, Лен, – спохватилась Марина, – ты тоже, как всегда. Хвостиком ходишь, диктофон наготове. Всех спикеров пишешь. Вопросы задавай.

Лена поежилась. Ее приняли на работу меньше месяца назад, и она все еще никак не могла освоиться.

– Лен, ну надо посмелее как-то. С Наташи бери пример. – Марина взяла непродолжительную паузу, как бы давая Лене возможность усвоить рекомендацию. – В общем, придумать вопросы заранее, Лену подстраховать.

Наталья снова что-то себе черкнула в ежедневник, кивнула.

– Коллеги, еще раз обращаю внимание, – Марина обвела всех строгим взглядом. – Среди гостей представители отраслевых министерств и потенциальные инвесторы, а также VIPы вроде Линников, сами понимаете. Сегодня, пока новость на сайте не появится, домой не идем. Всем понятно?

Все дружно кивнули.

– Разбежались трудиться, – Марина пометила что-то в своем файле и сцепила руки в замок.

Все друг за другом вышли, кроме Олега, который аккуратно прикрыл дверь и развернулся к Марине.

– Отлично выглядишь. Как всегда, впрочем.

Марина погрозила коллеге пальцем:

– Олежа... Прекращай.

Он улыбнулся.

– Раз ты не посылаешь меня на выезд, поехали сегодня пообедаем?

– А, поехали.

– Кстати, сегодня новый боевичок выходит, давай в кино после работы? Я уже билеты взял.

– Я подумаю.

Олег наклонился близко к Марине и шепнул в самое ухо:

– Подумай хорошенько.

Подмигнул ей и вышел.

Марина, посидев немного в покое, набрала номер мамы.

– Мам, привет. Заберешь Ольку? Сегодня делегация у нас, буду поздно.

Мама на том конце интересовалась, почему бы Олю не забрать папе.

– Мам, ну о чем ты? – рассмеялась Марина. – Дорогу в садик будет по компасу искать, а потом еще не того ребенка заберет! Мальчика!

Она рассмеялась еще громче.

Видимо, аргумент на маму подействовал. Отложив телефон, Марина с наслаждением потянулась.

«Шкафные скелеты»

Марина обедала с Олегом в кафе. Народу было немного, но она пару раз воровато оглядывалась – не наткнуться бы на общих знакомых.

– ...а Сонька передала фотоаппарат Лене, уточнила у Натальи, что спросить, и подряд все три вопроса и задала, – рассказывал Олег о прошедшем вчера мероприятии.

– А, – задумчиво протянула Марина, – я думаю, почему шеф вдруг спросил про нее, боялась, что сделает замечание по внешнему виду.

– Не говори, это она еще половину пирсинга вытащила.

– А ты откуда знаешь? – прищурилась Марина.

– Сама сказала, – и бровью не повел Олег.

Марина задержала на Олеге строгий взгляд, немного его смутив.

– Марин, да ты что...

– Да шучу, Олег, ну ты свободный парень, что ты в самом деле, – рассмеялась Марина.

– Я не считаю себя свободным, – серьезно сказал Олег и положил свою руку на руку Марины.

– Ой, да прекрати, – она убрала свою руку, но слегка покраснела.

Марина переключила внимание на салфетку, которую расправляла на коленях. Олег лениво ковырял вилкой салат.

– Просто... Прошло почти четыре года, и я прикидывал. А Оле как раз три.

– Олег, к чему ты клонишь? – напряглась Марина, но тут же снова рассмеялась, излишне громко и неестественно. – Нет, что ты? Нет, о господи.

Олег опустил взгляд. Марина достала из сумочки зеркальце, проверила, не потекла ли тушь.

– Я думала, мы договорились не вспоминать, – сказала она.

– А я не хочу забывать. Что тебя смущает?

Марина убрала зеркальце в сумочку, достала кошелек.

– Да не хотелось бы за растление малолетних.

Олег в досаде бросил вилку на стол, она громко звякнула, привлекая внимание посетителей и официантов.

– Поехали, на работу пора, – Марина положила крупную купюру на стол и кивнула официанту.

– Да, моя королева, – быстро взял себя в руки Олег.

– Хорош стебаться.

Связь с Олегом была самым большим «скелетом в шкафу» Марины. Молодой выпускник вуза устроился в компанию и сразу расположил ее к себе. Она тогда переживала очередную депрессию, муж уговаривал на второго ребенка, а Марина раздумывала, не развестись ли с бесперспективным полицейским. Выходила замуж за подающего надежды молодого сыщика, которому вскоре включили красный сигнал светофора на пути по карьерной лестнице. Мутная история, которую Тимохин так и не рассказал. Сам надеялся, что это временные меры, был рад, что оставили в органах. Но время шло, рос Игорь, росло недовольство Марины: она-то вот-вот получит должность начальника отдела по пиару. Всегда в гуще событий, проектов, идей, Марина на работе отводила душу, зная, что наступит вечер, и ей опять придется возвращаться в унылое семейное гнездо, которое давно не хотелось вить.

С появлением в отделе Олега жизнь заиграла новыми красками. Огромное количество комплиментов, сюрпризов, намеков. Олег разгонял нерадостные мысли Марины о начинающемся старении. А после новогоднего корпоратива и случилась спонтанная близость.

Уже протрезвевшая, вернувшись домой, Марина устроила жаркую ночь любви Тимохину, перед которым чувствовала вину. Она продолжала ее активно заглаживать почти девять месяцев, но чувство гадливости по отношению к самой себе не проходило. Оля могла быть дочерью в равной степени как Олега, так и Алексея. Можно сделать генетический тест, но что потом? Если Оля – Олеговна, как жить дальше? Как ее любить – живой укор супружеской неверности? И надо будет однозначно бросать Тимохина. Если Оля – дочь Тимохина, то куда деть факт измены?

К черту все мысли. Марина принялась за отчет о проведенном мероприятии, и задач на работе, слава богу, всегда хватало. А тут еще наклеивался «калым», связанный с участием в предвыборной кампании лояльного предприятия Леонида Линника. Дополнительная нагрузка и дополнительные деньги, которые Марина вкладывала в «финансовую подушку», так как зарабатывала больше Тимохина, но не считала нужным ему об этом сообщать.

На скамьях у стадиона возле футбольного поля сидела компания подростков – Игорь со своими новыми друзьями. Белобрысого все звали Белый, лысого – Орёл – из-за татуировки. Ребята развлекались курением, пускали «паровозик» и громко ржали.

– Ты что, у нас дома такие батлы, – рассказывал Игорь. – Иногда кажется, мать для работы в полиции лучше подходит.

– Слышь, а отец-то не спалит тебя? – спросил Белый.

– Какой там. Мы только по утрам видимся минут пять.

Игорь помолчал.

– Не, бывают дни, конечно, иногда, мож, по праздникам, там, когда минут по шесть...

Секунду-две смысл шутки доходил до остальных, и над пустым стадионом снова послышался громкий ржач.

Очередной минус один

Грустная Светлана вышла из кабинета Тимохина, за ней – сам он.

– Свет, ты когда приглашать будешь всех, не говори им, ладно? Так нужно, чтобы отследить реакцию на новость. Ну, ты понимаешь...

– Сидоренко был такой счастливый, когда мы виделись в последний раз. Как же так?

Тимохин мягко взял Светлану под локоть и направился с ней к выходу.

– Светунь, это жизнь. Знаешь, сколько я тут этого насмотрелся?

– Леш, – остановилась Светлана, – а если всех нас кто-то хочет убить?

Её глаза выражали тревогу. Мимо проходили сослуживцы, задерживая взгляд на яркой женщине.

Тимохин снова направил Светлану к выходу.

– Я это и хочу выяснить. С твоей помощью. Посодействуешь полиции?

– Полиции – не знаю, тебе – посодействую.

Светлана снова остановилась, проводила взглядом буйного арестанта, которого удерживали трое, сопровождая, видимо, к месту заключения. Арестант громко присвистнул и сказал в адрес Светланы что-то пошлое.

– В общем, я все поняла, – подытожила встречу Светлана. – Созвонимся.

Она решительно вышла.

Тимохин, провожая ее взглядом, вспомнил свой первый поцелуй, случившийся в девятом классе, когда он провожал Светлану домой. На секунду в лицо ударил сырой мартовский ветер, всплыла в памяти Светкина улыбка, ее растрепанные длинные волосы, торчавшие из-под вязаной розовой шапочки. Заливисто смеясь, она закинула ему за шиворот мокрого весеннего снега, а он схватил ее за руки, притянул к себе и...

– А это кто была? – к Тимохину подошел Петров и задал вопрос, промелькнувший у доброй половины сослуживцев, заметивших Свету.

– Моя одноклассница и первая любовь, – мечтательно ответил Тимохин.

– Так ты бы не тупил. А то, знаешь, пойдет мусор выносить, сердечко-то и прихватит.

Петров громко рассмеялся.

– А ты не боишься так много ржать постоянно, мало ли что может стать причиной сердечного приступа? – Тимохин, расстроенный бесцеремонным прерыванием романтического флешбэка, вернулся в кабинет.

По пути домой он решил заглянуть по одному адресу.

Дверь открыла молодая женщина с плохо замазанным тональным кремом синяком на лице. Из глубины квартиры слышалось пьяное и борзое:

– Кто там приперся на ночь глядя?

– Мужа зови, – попросил Тимохин.

Женщина колебалась. Тимохин достал удостоверение и развернул.

– Позови мужа и не выходи, пока мы не закончим разговор.

Подбородок женщины затрясся, на глаза навернулись слезы.

– Коля! Выйди! – крикнул в квартиру Тимохин.

– Кого там черт принес, – пьяным басом произнес Коля.

На площадку вышел тощий мужичок с голым торсом. Хотя обозначить верхнюю часть его туловища торсом – это весьма польстить. Сколько повидал за службу Тимохин, но жизнь продолжала удивлять. Никогда бы он не подумал, что обладатель таких скромных физических характеристик может иметь столь грубый, внушающий опасение, голос.

Коля закрыл перед носом жены дверь, небрежно почесал пузо, рассматривая Тимохина.

– Чё надо? – спросил он.

Вместо ответа Тимохин от души ударил Колю под дых. Тот согнулся пополам и расширенными от удивления глазами уставился на обидчика.

Тимохин достал удостоверение и открыл его перед лицом Коли.

– Еще раз поднимешь руку на женщину, разговор будет другим.

Коля медленно выпрямился и вновь обрел способность дышать.

– Ты понял, страшилище?

Коля едва заметно кивнул.

– Отхватил нормальную бабу себе, так сиди и радуйся.

Коля кивнул более заметно. Дважды.

Тимохин ушел, искренне надеясь, что его визит не усугубит ситуацию. Ну не мог он спокойно переносить несправедливость. Особенно в отношении слабых. С детства такой.

Вечером, уже после душа, Тимохин, полулежа в кровати, вытирал мокрые волосы полотенцем. Марина лежала рядом и мазала руки кремом. По телевизору шел какой-то детективный сериал.

Закончив косметические процедуры, Марина выключила свет и повернулась набок, спиной к мужу. Тимохин бросил полотенце на спинку стула, бросил туда же халат и улегся, прижавшись сзади к Марине.

Она недовольно замычала.

– Ну, что на этот раз?

– Я устала.

– Мариш, ты что-то как Ольку родила, так и до сих пор уставшая.

– Да, мужикам не понять, как тяжело рожать детей. А некоторым не понять, как их тяжело растить, кормить и одевать.

– Ты сейчас о ком?

– Прекрасно понимаешь.

Тимохин развернул Марину к себе и улегся на нее сверху.

– Это ты от недотраха у меня такая злая? Надо это исправить.

– Отстань! – отвернула Марина лицо от поцелуя.

– Как скажешь, – расстроился Тимохин, встал, накинул халат и вышел из комнаты.

Марина тяжело вздохнула и, натянув одеяло на голову, снова развернулась на бок, подвинувшись на самый край кровати.

Тимохин устроился на кухне досматривать сериал. Достал начатый когда-то коньячок, поставил рюмку, по-быстрому нарезал колбасы и сыра.

В кухню зашел Игорь.

– О, бать, тема, – отреагировал сын на алкоголь. – И мне плесни.

Игорь уселся рядом.

– Куда шел-то?

– Да это, по нужде.

– Ну и иди, куда шел, – Тимохин легонько шлепнул Игоря по руке, тянувшейся за кусочком колбасы.

Игорь, зевая, ушел.

Запиликал сотовый – звонил Березин.

– Еще один из твоих, Тимохин, – сказал начальник без всяких предисловий. – Станислав Полежаев.

– Стасик... Тоже сердце?

– Выпал с балкона, шестой этаж. Машина к тебе выехала, подъезжай на место.

– Понял.

Часть II

Пролог

Когда Ира была маленькой, она долго думала, что ее зовут «Эта». Бабка напрямую обращалась к ней редко, и указания по поводу Ирины давала своему оставшемуся в единственном лице слуге Антипу. «Эту накорми», «Эту гулять не пускай», «Пусть эта посуду перемоеет» и так далее. Посуду она мыла столько, сколько себя помнила – лет с четырех. И теперь, к своим девяти, делала это ловко и быстро, но главное – чисто, иначе Бабка бы ее прибила, видит бог.

Антип, суровый помятый мужик лет пятидесяти, свою хозяйку слушался безропотно. Редко когда напрямую что-то скажет, ведь Ирина слышала все указания сама, и после фраз типа «Эта пусть...», Антип глядел на Ирину, та кивала и приступала к выполнению задания. Ослушаться – даже не пыталась. Одного тяжелого взгляда Бабки хватало, чтобы почувствовать себя самым мелким микробом в мире, недостойным куска хлеба, которым ее здесь частенько попрекали.

Соседские дети, чьи родители служили господам, проживающим через улицу, спрашивали у нее про маму и папу, а она не знала, что ответить. Потом детей ругали за то, что они с ней играли, и Ира часто коротала время в одиночестве. Но и то было приятнее, чем общество хмурой, строгой и недовольной Бабки.

Часто в дом приходили гости, и Бабка закрывалась с ними в своей комнате. Это были хорошо одетые дамы с грустными лицами, реже – мужчины. Ирина не всегда успевала их разглядеть, тем более Бабка строго запрещала высовываться во время таких визитов. Зато она часто видела, как после проводов гостей Бабка прятала деньги куда-то в складки платья на груди. Предварительно могла часть из них сунуть Антипу со словами: «Этой завтра петушка купи». Это означало, что Бабка довольна «делом» и хорошо вознаграждена.

Какие это были дела, Ирина стала догадываться только недавно, и догадки пугали...

Раз-два в год Бабка уезжала в путешествия, и за Ириной присматривал Антип. Он предпочитал отдыхать в компании с веселыми настойками, и до девчонки ему не было дела. Зато Ирине в такие дни было вольготно. Она много гуляла, играла в свои игрушки не только у себя в комнате, но и в любом уголке дома. А однажды, когда громкий храп Антипа разносился по всему дому, Ирина решила зайти в комнату к Бабке.

Кровать ее стояла в дальнем углу, на возвышении, украшенная балдахинами. У стены напротив – большой шкаф. Круглый стол со стульями вокруг стоял у единственного на такую большую комнату окна. А в другом углу – комод.

В комнате странно пахло – смесь затхлости, плесени и каких-то благовоний.

Прислушавшись к доносившемуся храпу и убедившись, таким образом, в безопасности, Ирина подошла к комоду. Дрожащими руками она потянулась к выдвижному ящику, взялась за ручку. Ящик с противным скрипом поддался, и Ирина заглянула внутрь. Книжки, старые пожелтевшие бумаги с какими-то схемами и буквами. Читать она не умела – Бабка совсем недавно вскользь упомянула про необходимость образования («надо этой учительку нанять»), но книжки были ей интересны. Ирина достала верхнее издание с потрепанной обложкой из телячьей кожи и начала листать. Почти на каждой странице был затейливый рисунок: то звезда, то луна и звезды, то глаз в треугольнике. Стрелки, пояснения, схемы. Чаще остальных попадалось изображение человека с расставленными в стороны руками и ногами, изображались внутренние органы, либо человек был окружен несколькими контурами рисованных оболочек, либо изображался в окружении зверей, от которых шли стрелочки к какому-либо внутрен-

нему органу. Нередко на страницах мелькали рукописные подписи, сопровождавшиеся чернильными кляксами.

Взволнованная Ирина положила книгу обратно и задвинула ящик на место.

Осознав, что она больше не слышит храпа Антипа, мигом выбежала из комнаты и успела проскочить на кухню, куда минуту спустя тот зашел попить воды.

– Почто дома сидишь, вон погода какая? – спросил он. Ирина выглянула в окно и увидела тетю Настю, повариху из дома на конце улицы, иногда забегавшую к ним занять соли или яиц.

– Можешь и на речку сходить, а то хозяйка вернется через пару дней, не нагуляешься.

Ирина поняла, что Антип ее спраживает, кивнула и молча пошла из дома. Действительно, погода была чудесная, теплая, хотя многие деревья уже стояли желтыми, и вот-вот должны были наступить холода. А зимой и на улицу лишний раз не выйдешь.

Ирина с удовольствием вдыхала свежий воздух, сидя на берегу реки. Потом улеглась на траву, смотрела на облака в небе и улыбалась. В тот день ей впервые показалось, что впереди ее ждет много интересного, только надо научиться читать и дожидаться взросления, чтобы можно было оставить неприветливый дом.

Встреча одноклассников

Итак, четверо погибших за две недели. Тимохин решил пойти на встречу одноклассников пешком, чтобы спокойно поразмышлять. Накануне он вспомнил всех одноклассников, пересмотрел школьные фотографии, что-то переснял на телефон.

Конечно, конфликтов в школе хватало, но настолько серьезных, чтобы кто-то желал мстить всему классу, Тимохин не припомнил. Он аккуратно выписал в свой блокнот двадцать шесть имен, обвел жирной черной линией имена четырех умерших, и прикинул, что надо рисовать на листе ватмана большого формата что-то вроде ментальной карты со стрелочками связей между всеми (прямо как в американских детективах). Пока же не получалось найти ничего общего между смертями, кроме самой причины – остановки сердца. И даже выпавший позавчера с шестого этажа Стасик, собственно, падал уже мертвым. Вскрытие подтвердило: смерть случилась до момента удара о землю.

Вот именно случилась. Ничего не предвещало. У всех – активная жизнь, планы, дети, в конце концов. У Стаса жена беременная. Рассказывала Тимохину, как долго они ждали ребенка, какими радостными были, как готовились. А на завтра планировались его похороны...

Показания свидетелей, видео с камер наблюдения, заключения патологоанатомов – ничего не давало повода подозревать наличие злоумышленника. Тимохин надеялся на результаты более глубокой экспертизы, которая могла бы найти следы веществ, вызвавших остановку сердца. И тогда с высокой долей вероятности можно было бы подозревать, что жертвы были отравлены. Но на эти данные приходилось рассчитывать не раньше, чем через две-три недели.

Неприятный холодок прошел по спине Тимохина. А что если и он – в зоне риска? И хоть особой значимости своей жизни он не придавал – ничего не добился, жену счастливой не сделал – но оставлять детей сиротами не собирался. Да и кто заступится за одиноких бабушек и других страдающих от рук хулиганов? Пусть Марина подтрунивает над ним, называя грозой телефонных воришек, но у него в отделении самые высокие показатели раскрываемости. Преступления для Тимохина не различались по степени важности – поиском украденного телефона он занимался не менее скрупулезно, чем занимался бы поиском грабителя или убийцы.

Тимохин пришел в ресторан первым, уселся за длинный стол так, чтобы иметь возможность видеть всех входящих. С интересом заметил не свойственное ему волнение, и честно признался себе, что вызвано оно предстоящей встречей со Светланой. За последние годы он привык к «женщине-буке», как окрестил про себя супругу, и как будто спокойно обходился без интима. Общение со Светой возвращало в голову шальные фантазии на тему того, чем можно было бы заняться с женщиной в принципе, и с такой привлекательной, как Светлана, в частности. И как бы это могло быть. И где. И вообще...

Из центра зала донеслась тихая мелодия – начиналась музыкальная программа.

Тимохин зевнул, глянул на часы. Пятнадцать минут до восьми вечера. Перевел взгляд на вход и заметил её. Светлана сняла свой легкий плащ, отдала его гардеробщице, оставшись в темном обтягивающем платье. Красивая осанка, на длинных стройных ногах черные туфли на шпильках... Заметив Тимохина, приветливо улыбнулась и махнула ему клатчем, но к столу не пошла, а скрылась за углом. Хочет припудрить носик, констатировал Тимохин и немножко поерзал на стуле, гадая, в колготках Светлана или чулках.

Спустя полчаса за столом сидело пятнадцать человек, не считая Тимохина. Веселый тон задавал балагур Небосенко Юра, запомнившийся всем бесконечными двойками по поведению. Юра к текущему моменту изрядно поистрепался, превратившись из сердцееда, каким он был больше двадцати лет назад, в мужичка с опухшим лицом, лысиной и внушительным пузом.

– А что, жена мне уже троих родила, четвертого решил сам, – «оправдывался» он на недоумевающие взгляды одноклассников.

Юра периодически отвлекался на телефонные разговоры – работа требовала решения вопросов, но всегда быстро подхватывал нить разговора и возвращал себе всеобщее внимание. Он рассказывал о своем бизнесе – фуры под его началом возили строительные материалы по всей стране (тут же устроили мозговой штурм маркетинговых идей – «Фуры от Юры» и прочее). После школы он пошел в дальнбойщики, скрывался от армии до 27 лет, а потом рискнул взять кредит на собственный грузовик, и пошло-поехало. Хорошо поехало, судя по всему.

Отомстить лично небосенко мечтали многие, рассуждал про себя Тимохин. Знатный был задира. Все игрался – кого подставить, над кем пошутить, просто так учиться ему было скучно. Чем старше становились, тем опаснее становились затеи – вынудить одноклассника на спор выпрыгнуть со второго этажа, распуścić грязный слух про самую тихую девчонку в классе. Вот она, Тамара, сидит рядом – все такая же тихая, неприметная, без обручального кольца на пальце.

Все уже немного выпили, расслабились, и скованность, чувствовавшаяся в первые минуты встречи, исчезла. Фадин Егор, бывший отличник, вполголоса что-то обсуждал с Семеном Ивановым. Иванов обожал историю, восхищался классным руководителем Ириной Васильевной, которая преподавала этот предмет. Все были уверены, что он в нее влюблен. Теперь он – преподаватель истории в городском университете.

В разных уголках стола шептались девчонки. Ну, как «девчонки». Некоторые заметно «обабались», а кто-то выглядел приятнее, чем в юности.

Громко захохотала Светлана. Она сидела напротив. Рядом небосенко, то и дело посматривающий на соседку масляными глазками.

– Да ну какие дети, сама как ребенок еще, – Светлана отмахнулась от Юры. Неужели он уже предлагал ей свои услуги в качестве поставщика генетического материала? Можно подумать, у Светы бы возникли проблемы с поиском такового, пожелай она завести детей.

Что-то пробубнила сидевшая рядом Тамара.

– Что говоришь? – наклонился к ней Тимохин.

Тамара небрежно кивнула в сторону Светланы:

– Да басню вспомнила. Попрыгунья Стрекоза лето красное пропела...

Тимохин снова посмотрел на Светлану – она ему улыбалась. Он улыбнулся в ответ.

– Может, еще не пропела, а? – подмигнул Тимохин Тамаре.

Та скептически хмыкнула.

Продолжалась оживленная беседа, когда в помещение вошел служитель церкви – черная ряса до пят, скуфья, небольшая бородка не оставляли сомнений в профессиональной принадлежности вошедшего. Когда он подошел к столу, все замолчали и уставились на него.

– Да мы еще не успели нагрешить! – нашелся небосенко.

Реплика разрядила ситуацию, над столом вновь раздался оживленный гомон.

Тимохин встал и протянул руку мужчине.

– Привет, Коля, – сказал он и спросил остальных:

– Что – только я узнал Коляна?

Что тут началось! Разгоряченные спиртными напитками, все зашумели, повскакивали со своих мест, окружили Николая. Каждый считал нужным выразить свой восторг либо неодобрение.

Расталкивая остальных, то и дело повторяя «да ладно», к Николаю подошел небосенко.

– Ну, привет, Колян, – он также протянул руку.

Николай с теплой улыбкой ответил.

– Пойдем за стол, – Юра обнял одноклассника за плечи и повел ближе к своему месту, – я готов исповедаться.

Под общий хохот и гам расселись обратно.

Откуда-то послышалось: «Опять за старое, небосенко».

Налив Николаю водочки и жестом пригласив остальных наполнить рюмки, Юра встал с места для произнесения тоста.

Все притихли.

– Ну что, простишь, что докапывался до тебя всю школу, а? – спросил небосенко.

– Бог простит, – кротко ответил Николай.

Возникла неловкая пауза, небосенко, видимо, не мог с ходу придумать остроумного ответа.

– И меня заодно, – продолжил мысль Николай и взялся за рюмку.

Старые недруги чокнулись и выпили.

Загалдели с новой силой, Николай на полчаса стал центром всеобщего внимания. Его род занятий вызывал интерес у всех присутствующих, которые из первых рук желали узнать ответы на самые разные вопросы, начиная от «Как проходит обряд крещения?» до «Существует ли Бог на самом деле?».

Тимохин посмотрел на часы. Видимо, все, кто хотел, пришли. А кое-кто из женщин уже засобирались домой. Он встал и постучал вилкой о рюмку.

Присутствующие затихли, взялись за рюмки, ожидая тоста, но Тимохин рассказал им о другом. Он поведал о печальной статистике, стараясь отследить все грани эмоций на лицах одноклассников. Страх, тревога, паника, безразличие, и в то же время нескрываемый интерес. Никто из одноклассников, Тимохин готов был поклясться в этом, не продемонстрировал реакции, которая выдавала бы удовлетворение или радость от получения информации о произошедшем.

– И теперь, – попытожил Тимохин, – я призываю всех нас повспоминать подробности школьной жизни, все обиды, ситуации, и обсудить их здесь друг с другом. Искренне надеюсь, что случившееся – трагическая случайность, но статистика – вещь упрямая.

Все заметно приуныли.

– Ну, Тимохин, умеешь ты испортить праздник, – прокомментировал небосенко. – Я думал, ты соскучился...

В этот раз никто не засмеялся. Несколько человек сразу засобирались домой под разными предлогами. Их побег Тимохин мог расценить, как проявление тревоги – людям захотелось убежать от неприятных новостей, дистанцироваться от коллектива, разрушить имеющуюся связь между покойными и самими собой.

Оставшиеся обсудили немного разных историй – смешных и не очень, но и они стали потихоньку расходиться по домам. Внимание Тимохина на себя обращал Егор Фадин. В школе его недолюбливали – всегда все зубрил, не имел своего мнения, жаловался маме по любому поводу, и та часто навевалась на занятия, уличая возможность отругать кого-то из обидчиков сына.

Весь вечер Егор Юрьевич (не один раз подчеркнул, что для многих сегодня он именно Егор Юрьевич, а не какой-то там Егорка, как было в детстве, как будто у остальных, превратившихся из мальчиков и девочек в дядь и тетя, другая ситуация) кичился своими успехами в бизнесе. Он поставлял продукты в рестораны города и считал нужным уточнять у официантов «анамнез» любого блюда, появляющегося на столе.

После новости о четырех смертях он нарочито громко иронизировал на тему заговора, пытался подкалывать Тимохина, «который обязательно найдет всех бандитов». С каждой новой рюмкой Егор становился все более злым, пока в конце вечера отказался со всеми чокаться, так как «все, похоже, померем, а за умерших – не чокаясь». Наконец, Фадин засобирался домой и, посмеявшись напоследок над «сыщиками», покинул ресторан.

В итоге за столом остались пятеро, кроме Тимохина, готовые оказывать любую необходимую помощь в поиске потенциального преступника: Юра небосенко («Ну, как вас оставишь?»), преподаватель истории Семен Иванов, библиотекарь Тамара Агеева, «серая мышка»

класса, протоиерей Николай Печальный и сама Светлана, которая, как полагал Тимохин, еще и надеялась подготовить горячий материал для СМИ на тему случившихся смертей.

– Интересно, – произнесла Светлана, когда все молча вспоминали детские годы, – а как дела у Иваси?

И действительно, бывший классный руководитель мог припомнить много интересных подробностей школьных событий. Тимохин взял на заметку задачу связаться с Ириной Васильевной. Завтра же сходит в школу, и, если повезет, сразу и поговорит с бывшей учительницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.